

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.1
EDN: MTFKTP

«Московское чудо»: репрезентация образа «девяностых» в передаче «Намедни»¹

Ссылка для цитирования:

Волкова Е. Д., Хлевнюк Д. О. «Московское чудо»: репрезентация образа «девяностых» в передаче «Намедни» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.1> EDN: MTFKTP

For citation:

Volkova E. D., Khlevnyuk D. O. (2023) "The Moscow Miracle": a Representation of the "Nineties" in the TV Program "Namedni". *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 9–26. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.1>

Волкова Елизавета Дмитриевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: lizka001@gmail.com

Хлевнюк Дарья Олеговна

Университет Амстердама,
Амстердам, Нидерланды
E-mail: daria.khlevnyuk@gmail.com

Статья посвящена исследованию памяти о 1990-х годах в России. Основной целью является определение роли телевизионного проекта «Намедни», в процессе формирования памяти россиян о начальном этапе постсоветской России. Проанализированы серии программы «Намедни», посвященные

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке Факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена на материалах дипломной работы «Кинодокументалистика как инструмент конструирования смысловых рамок памяти о перестройке и начальном периоде постсоветской трансформации в России: на примере проекта "Намедни"» (НИУ ВШЭ, 2022) URL: <https://www.hse.ru/ba/political/students/diplomas/620109668> (дата обращения: 15.02.2023).

периоду с 1990 по 1999 год. Качественный контент-анализ серий проходил на основе выделенных тематических категорий: политика, социальная сфера, экономика, культура (спорт), — и предметных критериев: название сюжета, содержание, хронометраж, персоналии и ключевые детали, а также организация сюжета. Общепринятое преимущественно негативное представление о периоде «девяностых» в России не находит подтверждения в сериях программы «Намедни». В большинстве сюжетов телепрограммы преобладает политическая и экономическая тематика, а 1990-е годы представлены как оптимистичная «эпоха перемен», которая символизирует быстротечный переход от старого к потенциально позитивному и светлому новому. Преимущественно положительный образ «девяностых» определяется малым вниманием авторов программы к событиям регионального масштаба, большинство сюжетов затрагивают либо мировые события, либо произошедшие в Москве.

Ключевые слова: политика памяти; документальное кино; россияне; «Намедни»; Парфенов; сюжет

Введение

Представления о «девяностых» — эмоционально насыщенная и пока еще не получившая единой оценки в российском обществе тема. Российское общество в этом смысле не отличается от других постсоциалистических обществ. Переход от социализма к новому политическому и экономическому порядку нередко воспринимается как травма и, соответственно, влияет на восприятие современных социальных условий [Hilmar, 2020; Laczó, Wawrzyniak, 2017]. Таким образом, «девяностые» стоит понимать более широко — не просто как декаду, но как последовательность событий: распад Советского Союза и первые постсоветские годы, первое десятилетие новой страны — Российской Федерации, и ее первого президента — Бориса Ельцина. Эмоциональную насыщенность и амбивалентность термина «девяностые» подтверждают как исследование Национального корпуса русского языка [Бонч-Осмоловская, 2018], так и опросы общественного мнения¹, а также исследования политики памяти [Sharafutdinova, 2020; Малинова, 2019, 2020, 2021].

Представления об этом периоде формируются на разных уровнях. Существует государственная повестка, для которой типично построение образа «лихих девяностых», отличных от стабильной современности [Sharafutdinova, 2020; Малинова, 2018]. Представители Коммунистической партии РФ ожидаемо критически настроены к этому периоду и считают его временем радикальной смены траектории развития страны от верной советской к навязанной Западом [Малинова, 2020]. Для так называемой либеральной части политического

¹ Образ 90-х в массовом сознании // ФОМ. 2015 г. URL: <https://fom.ru/blogs/12407> (дата обращения: 07.05.2021).

спектра «девяностые» являются, напротив, образом победы демократии и новых возможностей, пусть и связанных с кризисом [Малинова, 2019, 2021].

Очевидно, впрочем, что образ 1990-х годов создается не только и не столько политическими партиями и публичными выступлениями. Значимую роль в формировании любых представлений играет популярная культура, в том числе телевидение. Однако именно эта сторона возникновения и развития представлений о «девяностых» до сих пор мало изучена. Данная статья предлагает отчасти заполнить эту лакуну, сконцентрировавшись на документальных телевизионных фильмах. Документальное телевизионное кино, с одной стороны, нацелено на создании представлений о прошлом, а с другой — благодаря телевизионной трансляции расширяет аудиторию восприятия за счет тех, которых обычные документальные фильмы вряд ли способны заинтересовать. Образы 90-х в документальном телевизионном кино косвенно затрагивались в некоторых исследованиях. Преимущественно речь идет об «официальном» образе, формируемом журналистами, поддерживающими современный политический режим. К примеру, при разборе фильмов, посвященных Смутному времени, обнаруживаются отсылки к событиям 1991 года. Эти события, как и события 1605 года (и 1917) трактуются как предательство страны элитами [Brouwer, 2016]. В документальных фильмах, посвященных В. В. Путину, «девяностые» представлены как время нестабильности, которое было преодолено лишь благодаря приходу к власти нового президента [Fridman, 2021].

Мы сконцентрируемся на другой части политического спектра телевизионного документального кино — условно «либеральной». Одним из наиболее ярких образцов, несомненно, является передача Леонида Парфенова «Намедни». Программа выходила вплоть до 2003 года. Ее выпуски были посвящены событиям с 1961 по 1999 год. Заметим, что события «девяностых» в этой передаче показывались «по свежим следам», с небольшой временной дистанцией. Программа «Намедни» пользовалась популярностью у телезрителей, она выходила раз в неделю и демонстрировалась в самое просмотрное время. Позже Леонид Парфенов выпустил несколько книг по следам телесерий, а сами «Намедни» стали образцом информационно-развлекательных передач в России [Грузин, 2021; Миронова, Горбачев, 2021; Рысина, 2016]. Несмотря на эту особенность, репрезентация 90-х в передаче «Намедни» до настоящего времени оставалась за пределами внимания исследователей. Существующие работы посвящены ностальгическому прочтению советской и позднесоветской истории в фильмах Парфенова [Gorbachev, 2015; Абрамов, Чистякова, 2012], мы же предлагаем сконцентрироваться на описании фильмов как на одной из форм политики памяти по отношению к образу «девяностых». Изучение репрезентации «девяностых» в фильмах Парфенова позволит отследить механизм конструирования памяти о «девяностых» с позиции условно «либеральной». Такой анализ необходим для более полного понимания формирования памяти о распаде СССР и первых постсоветских годах, так как эта память становится все более актуальной для российского общества.

Телевизионные документальные фильмы как форма политики памяти

Политика памяти, как пишет исследовательница российской памяти Ольга Малинова [Малинова, 2015: 10], является частью символической политики. Символическая политика — это публичная деятельность, направленная на создание различных интерпретаций социальной реальности, конкурирующих между собой за доминирование в публичном пространстве. Такая деятельность включает концепции политического использования прошлого, политики памяти и исторической политики. Исходя из подобного определения, Малинова предлагает несколько принципов и тезисов, аккумулирующих представление о политике памяти. В первую очередь Малинова пишет о разнонаправленности коллективных восприятий исторических событий и прошлого в условиях современных сложных сообществ: составляющие общество идентичности могут опираться на разные исторические концепты и мифы, что может повлечь за собой межэтнические или межидентичностные конфликты. Во-вторых, коллективная память формируется на основе символов, закрепляющих определенные воспоминания и обеспечивающих их «императивную общность» для последующих поколений и для будущего в целом. В процессе образования символических аспектов памяти (определенных нарративов, знаков и образов в социально-культурной инфраструктуре) обычно задействованы акторы, обладающие необходимым набором ресурсов для влияния на общественность, к примеру политики, журналисты, деятели культуры — режиссеры, писатели, художники, акционисты и другие.

Таким образом, политика памяти — это совокупность публичного взаимодействия различных мнемонических акторов, заинтересованных в конструировании определенного, «нужного» восприятия, осмысления и понимания событий прошлого. Мнемоническими акторами могут быть как группы, так и отдельные личности, имеющие ресурс для влияния на общественное мнение и для интерпретации реальности через упомянутые выше инструменты символической политики. Разнообразие акторов символической политики и политики памяти обусловлено спецификой времени. Развитие коммуникативных и информационных технологий расширило доступ к необходимым ресурсам, но не исключило их неравномерное распределение. Так, наиболее влиятельными акторами являются институциональные объединения, а именно государство, политические организации, партии, СМИ, Церковь и другие [Малинова, 2018: 35].

Телевизионное документальное кино находится на пересечении нескольких жанров: это кинематограф, документалистика, телевизионный (то есть массмедиа) продукт. В отличие от игрового кино, документальное опирается на документы, на что-то реально существующее, на факты. Документальность предполагает не столько фиксацию повседневной жизни, «сколько процедуры поиска и обнаружения связей между “чистой” запечатленной действительностью повседневной жизнью и социокультурными, символическими, языковыми, художественными способами ее осмысления» [Якимов, 2021: 22].

Документальное кино является способом осмысления действительности через конструирование определенного киноопыта. Оно формирует «нужный» взгляд и идентификацию зрителем ретранслируемых знаков и символов в том числе с помощью эффекта контекстного присутствия и переживания событий во времени. Продукты документального кинематографа, с одной стороны, формируют новый взгляд на повседневность, а с другой — обращают внимание зрителей на те аспекты реальности, которые ранее были ими не замечены или не входили в сферу их интересов. Таким образом, неигровое кино с помощью неограниченности и многомерности кинематографических средств восприятия времени и пространства проблематизирует индивидуальный опыт повседневной реальности.

Необходимо также рассмотреть концепцию документального нарратива, возникающего при соединении вербальной, аудиальной и визуальной информации (интервью с прямой речью на фоне меняющегося визуального фона). За счет сочленения этих форм передачи информационных символов формируются определенные смыслы, метафоризируется происходящее в кадре. По мнению Александра Пронина [Пронин, 2017: 20], изучавшего нарративы документалистики, любой — игровой и документальный — фильм включает в себя «двусобытийность нарратива», то есть повествование о прошлых событиях и о событиях, происходящих в момент самого повествования. Пронин отмечает, что ключевой функцией документальных кинокартин, отображающих повседневность, является «наррация как интермедиальное действие, то есть процесс субъективного повествования об уникальных, единственных в своем роде событиях, а не сухое описание однотипных или известных и до того фактов и явлений» [Пронин, 2017: 20]. Сочетание достоверности происходящего в кадре и возможностей монтажа делает документальные фильмы о прошлом мощным инструментом политики памяти [Ashuri, 2005].

Телевизионное документальное кино обладает также дополнительным ресурсом массовой аудитории. Ключевая особенность работы телевидения с памятью — широкая доступность транслируемых фильмов, сериалов и передач [Holdsworth, 2008; Hoskins, 2004]. Таким образом, документальное кино на телевидении обретает общественную значимость [Широбоков, Барышников, 2017].

Говоря о телевизионном документальном кино, необходимо подчеркнуть особую роль и специфику телевизионного языка, отличающегося от языка большого экранного кино с точки зрения функционала и поставленных задач. Если кинематографу присуща функция искусства, то телевидению — журналистики. Телеязык также отличается доступностью, простотой и включением элемента комментария, выполняющего объяснительную функцию. Он может быть оформлен в виде закадрового текста, субтитров, различных статистических форм подачи и иных способов иллюстративного объяснения, размещенных в телекадре. Авторский документальный фильм, в отличие от телевизионного, зачастую создается для более элитарной (в противопоставлении массовой) аудитории [Степанян, 2018].

Документальное кино телевизионного формата создается непосредственно для аудитории. Иными словами, смыслы, заложенные авторами фильма в телевизионный документальный фильм, будут считаны конкретным обществом, носителями определенных ценностных и мировоззренческих установок. По мнению исследователя символической политики Сергея Поцелуева, «кодирование телеобразов как иконических знаков остается невидимым, а их свойства прочитываются как элементы самой реальности. В результате возникает возможность внушать определенные смыслы под видом восприятия их как чувственно данных предметов» [Поцелуев, 1999: 67].

Методика

Данная статья основана на анализе десяти серий телевизионной программы «Намедни», посвященных периоду с 1990 по 1999 год и вышедших в 1999 году. Каждая серия включает в себя повествование о событиях, процессах, а также наиболее влиятельных личностях одного года. Средняя продолжительность серии составляет приблизительно 45 минут. Структура серий практически не менялась на протяжении всех выпусков: в начале ведущий представляет программу, перечисляет основные события, которые будут освещены в серии, затем переходит к повествованию. Сюжеты предстают перед зрителем в хронологическом порядке, тематика не определяет порядок освещения тех или иных событий. Помимо этого, сюжеты идут либо подряд, либо разделены между собой юмористическими заставками или «переходами»: документальной хроникой, в которую вмонтировано изображение ведущего программы. Иногда последний кадр в виде фото помещается на первую страницу газеты с ироничным заголовком (к примеру: «С трофеем!» — на видео Парфенов заряжает на охоте ружье Хрущеву или «встреча на орбите» — Парфенов парит в невесомости на станции «Мир»). Сюжеты освещаются двумя способами. В первом случае ведущий начинает повествование в студии, а на маленьком экране телевизора, стоящего рядом с ним, транслируются документальные кадры, затем документальная хроника выводится на весь экран и на ее фоне остается голос ведущего, продолжающего рассказ. Документальная хроника включает различные видеофрагменты быта людей, улиц городов, магазинов, интервью политиков или других публичных лиц. Рассказ — это внутрикадровый или закадровый текст, включающий в себя как освещение фактов и хронологическое повествование о том или ином событии — процессе, так и прямые цитаты или же «голос народа», ретранслируемый в виде анекдотов, крылатых фраз и других расхожих выражений или специфических (сленговых) слов и названий. Во втором случае рассказ начинается в студии, а продолжается повествованием непосредственно на месте происходивших событий, это может быть страна, город, улица или же непосредственно здание и т. п.

На основе тематической структуры российских новостей [Хоменко, 2009; Цвик, Назарова, 2002] для анализа мы выделили четыре главных тематических

блока: политика, экономика, социальная сфера и культура (включая спорт). По результатам контент-анализа каждый сюжет в серии заносился в одну из этих категорий. Помимо основных тематических категорий были сформулированы пять предметных критериев, а именно: название сюжета, содержание, хронометраж, персоналии и ключевые детали, а также организация сюжета. Название сюжета необходимо было выделить в отдельную подкатегорию, так как это позволяло кратко охарактеризовать тот или иной сюжет для более удобной работы с сериями программы. Критерий «содержание» предполагал подробное описание содержания серий, транскрипцию всех сюжетов программ. «Хронометраж» в данном контексте — это фиксация длительности того или иного сюжета в рамках одной серии программы. Критерий «персоналии и ключевые детали» включал в себя описание главных действующих лиц в кадре (находятся на переднем плане), а детали передают наиболее важные стилистические особенности, аудиоконтент, фоновый план и т. п. Критерий «организация сюжета» освещал специфику повествования той или иной темы, а именно факт записи сюжета в студии программы или же на месте события. Предполагалось, что внестудийная съемка в большей степени выделяет сюжет на фоне остальных и придает этому событию бóльшую значимость. В ходе работы с критериями была сформирована итоговая таблица, куда был размещен транскрипт серий и основные характеристики, соотносимые с выделенными категориями.

В процессе анализа содержания сюжетов было необходимо определить, какие фрагменты серий имеют пролонгированное повествование, то есть представлены не как отдельный факт или событие, а в виде некоего процесса, растянутого на годы.

Первоначальный анализ содержания серий проходил в несколько этапов: сначала были просмотрены все отобранные серии, затем был произведен транскрипт текста ведущего, зафиксированы содержание, детали и специфика построения кадра, хронометраж серий, выделены отдельные личности и другие особенности нетекстового содержания. Длительность сюжета определялась относительно его положения в общем хронометраже серии: средняя продолжительность одного сюжета варьировалась от 1 до 1,5 минут, в то время как на отдельные сюжеты выделялось более 2,5 минут повествования. Ключевые персоналии, связанные с основными событиями или процессами, определившими тот или иной год или оказавшие особенное влияние на ту или иную сферу (по одной или нескольким категориям), были выбраны относительно частоты упоминания их имен или подробного освещения их роли в рамках всех десяти серий. Систематизированные данные были проанализированы также относительно завершенности или наличия продолжения в развитии сюжета из одной серии в другую. Каждое событие было закодировано как положительное или отрицательное; определение тона основывалось на индуктивном контент-анализе. Для более детального описания полученных результатов необходимо обратиться к разбору каждой из четырех основных категорий.

Основные темы в репрезентации «девяностых»

Каждая передача «Намедни» разделена на несколько сюжетов. Эти сюжеты посвящены наиболее важным, по мнению авторов сериала, событиям и феноменам соответствующего года. Мы разделили эти сюжеты на четыре блока и в этом разделе представляем анализ репрезентации «девяностых» в программе «Намедни» в соответствии с данными направлениями.

Политика

Наши критерии значимости политических сюжетов (продолжительность и организация сюжета) позволили выделить четыре ключевые темы в категории политики. Во-первых, это формирование политического устройства России. Леонид Парфенов фиксирует вехи распада СССР и перехода к Российской Федерации. В серии про 1991 год выделяются сюжеты «Выборы президента России. Побеждает Борис Ельцин» (2,5 минуты), «Путч» (6 минут), «Распад СССР. Перестает существовать последняя в мире империя» (6 минут), в серии про 1993 год — «Расстрел Белого дома» (5 минут), в серии про 1996 — «Коржаков — Барсуков — Сосковец» (2,5 минуты). Формирование политического устройства России и распад Советского Союза представлены как сложные события, в которых принимало участие не так много людей (в сюжете про Путч: «конец большевизма оказался делом десятков тысяч человек», в сюжете про распад СССР: «для миллионов людей смысл происходящего доходит с трудом, хотя шутка “три мужика поехали в лес и там отменили Советский Союз — появляется сразу”»), но к их последствиям вынуждена привыкать вся страна. В сюжете про выборы и приход к власти Ельцина Леонид Парфенов, прогуливаясь вдоль пустых кресел в зале заседаний Кремля, иронично замечает: «Есть уже привычка к слову президент, а это нужно услышать, как бы со стороны, как это странно звучит, президент России, такого же быть не может, почти дико звучит, президент России — это как царь США...»

При этом новое устройство — как, впрочем, и переход к нему, — Парфенов оценивает критически. К примеру, в сюжете про расстрел Белого дома ведущий, находясь на набережной напротив Белого дома, замечает, что это событие «можно расценивать как расстрел демократии или такого пути России к ней», а в сюжете про политический скандал вокруг выборов Ельцина в 1996 звучит оценка: «картонка, набитая налом, становится главным российским ноу-хау предвыборных технологий». Аналогично раскрывается и еще одна тема в категории «Политика» — громкие заказные убийства. В сюжете «Убийство Листьева» (1995 год, 3 минуты) Парфенов приезжает на место события, ходит в подъезде Листьева и буквально показывает, как все произошло. На фоне — документальные кадры со следствия, толпа людей во дворе дома и траурные прощальные церемонии в Останкино. Парфенов говорит: «убили русскую мечту, представление о возможности честного успеха в этой новой жизни».

Еще две темы в категории «Политика» относятся к последствиям распада СССР. Во-первых, это изменения на постсоветском пространстве: сюжеты

«Парад суверенитетов». Суверенитет Украины» (1990 год, 3 минуты) и «В Латвии разгоняют демонстрантов» (1998 год, 3 минуты). В обоих сюжетах Парфенов подчеркивает позицию российских элит. В сюжете про Украину он формулирует эту позицию так: «как это они будут без нас?», а в сюжете про Латвию: «крик “наших бьют” разносится по всей Руси Великой». Во-вторых, два длинных сюжета посвящены Чеченским войнам и террору: «Буденновск» (1995 год, 5 минут) и «Взрывы Буйнакс — Москва — Волгодонск» (1999 год, 4 минуты). События в Буденновске представлены как ключевые для развития терроризма в России. Парфенов подчеркивает, что поначалу казавшаяся локальной, а потом лишь «столичной», история постепенно становится общенациональной трагедией: «потрясенная ужасным взрывом провинция первый раз пожалела Москву... Кажется, что ничего не грозит русской провинции, тысячи и тысячи кружочков на карте, о которых никто не вспомнит, а потом произошел взрыв в Волгодонске».

Любопытно, что одному из ключевых событий, определивших российскую политику следующих десятилетий, уходу Ельцина, в передаче уделено достаточно внимания, но и не намного больше, чем другим сюжетам. Хотя этот сюжет и занимает 3 минуты (то есть меньше, чем сюжет про взрывы домов) в выпуске за 1999 год, в нем используется исключительно студийная съемка. Это даже не заключительный сюжет выпуска (заканчивает Парфенов рассказом о песне «Убили негра» группы «Запрещенные барабанщики»).

Экономика

Несмотря на то что «девяностые» часто ассоциируются с экономическим кризисом, бедностью и криминалом, в передаче «Намедни» экономическая жизнь страны отражена достаточно позитивно. Это не означает, что Парфенов в принципе не говорит об экономических проблемах. Однако показательно, каким именно проблемам он уделяет больше всего внимания. Во-первых, согласно нашим критериям, два важных сюжета посвящены экономическим преступлениям: «МВФ, Мишель Камдессю» (1997 год, 3 минуты) и «Bank of New York» (1999 год, 3 минуты). Отчасти эти сюжеты связаны между собой. В первом Парфенов рассказывает о Международном валютном фонде и о процессе выдачи кредитов России («на построение капитализма»). Второй сюжет посвящен отмыванию денег российской организованной преступностью. Парфенов делает вывод, что американские бизнес и банки перестают доверять россиянам: «Коварные русские, они разворачивают выпрошенные у нас кредиты, а потом отмывают деньги в наших же банках».

Во-вторых, Парфенов не оставляет в стороне кризис 1998 года (1998 год, 2,5 минуты). Ведущий подробно описывает последствия дефолта и падения курса рубля.

«Скуплены все товары первой необходимости, продукты долговременного хранения. В конце 90-х в рыбных отделах нет рыбы, а в мясных — мяса. Все массовое капиталистические профессии оказываются ненужными, зачем теперь финансисты, брокеры, рекламщики и специалисты

по туризму? С рынка уходят западные компании, резко сокращается импорт, не работают в России выданные карточки зарубежных систем. Очень богатые люди превратились в зажиточных, бывшие лидеры бизнеса старались сохранить хотя бы личные капиталы, предпочитают отсиживаться за границей. Первый кризис, от которого пострадал не только народ, сколько антинародная прослойка».

Тем не менее подавляющее количество значимых сюжетов об экономике в передаче «Намедни» посвящено положительным или, во всяком случае, потенциально положительным изменениям в экономике, а в связи с этим и в жизни людей. Парфенов рассказывает о появившихся новых возможностях. Сюжет «Умирает советская торговля. Секонд-Хенд», вышедший в серии за 1992 год (2,5 минуты), посвящен указу о свободной торговле. Парфенов появляется перед зрителями на Лубянской площади, рассказывая, что это самое ходовое место торговли — прямо у здания бывшего КГБ и нынешнего ФСБ люди торгуют чем придется: консервами, носками, одеждой, посудой и т. д. «Ни одно решение власти не получало такой горячей всенародной поддержки. Российский рынок рождается на привокзальных площадях, у остановок городского транспорта, в подземных переходах».

Парфенов описывает переход от плановой экономики к капитализму преимущественно как открытие новых возможностей. Сюжет «Супермаркеты» (1994 год, 2,5 минуты) посвящен появлению новой формы торговли. Ведущий в магазине набирает продуктовую корзину и рассуждает: «Супермаркет — это магазин, в котором клубника появляется не в июле, а в шесть утра». «Да, — отмечает Леонид Парфенов, — супермаркеты все еще доступны не всем, но уже доступнее, чем магазин “Березка”». Эта же тема продолжается и в сюжете «Коттеджи» (1996 год, 2,5 минуты) о строительстве нового типа загородных домов.

Эти новые возможности доступны не всем. Появляются новые богатые, под стать им меняется и столица. В сюжете «Московский строительный бум» (1995 год, 2,5 минуты) Парфенов рассказывает о реконструкции и строительстве в Москве. Стиль новой застройки он характеризуют как «Ресинский ампир», по фамилии главы строительного комплекса Москвы. Парфенов описывает этот стиль на примере нового здания мэрии: «лучшая иллюстрация всех трех строительных бумов: заря капитализма, сталинский генплан и московское чудо девяностых».

Социальная сфера

Социальные темы, которым в передаче «Намедни» уделено наибольшее внимание, тоже во многом об экономике и последствиях перехода к свободному рынку и капитализму. В эту категорию мы определили сюжет, который так же, как и некоторые сюжеты из категории «Экономика», свидетельствует о росте уровня богатства в столице, однако акценты в нем расставлены несколько иначе. Это сюжет «850 лет Москве» (1997 год, 4 минуты). Здесь Леонид

Парфенов рассказывает о красочном праздновании дня основания Москвы. В городе проходят концерты, продаются товары мерчандайзинга, проходят костюмированные шествия. Парфенов идет по Тверской улице и описывает специфику этого времени и жизни столичного города: «Осень-97, золотая осень Москвы, высший пик московского бума, все есть в этом городе, а чего нет, то он себе купит».

Другие сюжеты про социальные изменения, связанные с экономическими переменами, посвящены новым социальным группам и профессиям. В сюжете «Бухгалтер, Российский офис, Вращающееся кресло с колесиками», показанном в серии про 1992 год (3 минуты), речь идет о появлении новой профессии на российском рынке труда: бухгалтеры востребованы как в частном, так и в государственном секторе. Одновременно с этим старые советские офисы с деревянной мебелью и счетами сменяются пластиковыми столами с компьютерами. В офисы покупают всевозможную технику: ксероксы, сканеры, факсы. Особое внимание в сюжете уделяется стулу на колесиках, на нем Леонид Парфенов катается по одному из московских офисов, параллельно рассказывая об особенностях сидячей работы. Сюжет «Олигархи» за 1996 год (3 минуты) посвящен новой социальной группе и ее роли в политическом процессе. В центре внимания — дом приемов ЛогоВАЗа, «штаб русской олигархии 96-го года». Парфенов начинает свое повествование у здания, его прогоняет охрана. Он рассказывает о ночи после выборов, о Ельцине с инфарктом и о его дочери и жене, которые участвовали в самом грандиозном ужине в доме ЛогоВАЗа.

Любопытно, что в наш список наиболее важных сюжетов попадает одно международное событие, мало связанное с происходящим в стране. Это сюжет про смерть принцессы Дианы «Разбилась принцесса Диана», показанный в серии за 1997 год (4 минуты). Парфенов приехал на место гибели принцессы, проехал на машине по Лондону и рассказал о деталях происшествия.

Нельзя сказать, что прочие социальные проблемы обходятся в передаче стороной. Парфенов говорит о них, однако не выделяет их особо в сравнении с вышеописанными сюжетами. К примеру, 3 минуты в серии про 1997 год (но без выездных съемок) посвящено проблеме наркомании. Парфенов рассказывает зрителям о буме популярности наркотиков и росте заболеваемости СПИДом в 1997 году. Каждый регион употребляет свой наркотик, но все началось с токсикомании и вдыхания паров клея. Российская медицина пытается лечить преимущественно молодых людей — наркоманов, но наркотики продолжают поступать в неконтролируемых объемах. Иными словами, в передаче скорее перечисляются, чем подробно разбираются те проблемы, которые имеются в виду, когда говорят о «лихих девяностых».

Культура

В категорию «Культура» попали самые разнообразные сюжеты, к примеру театральные события, события из жизни кино, литературные произведения и награды, телевизионные передачи, а также образ нового русского человека

и «сленговые» выражения, анекдоты, ходившие в разговорах россиян того времени. Любопытно, что чаще всего присутствуют спортивные события. В серии за 1993 год Парфенов много внимания уделяет сюжету тенниса (3 минуты). Теннис описывается как пристрастие Бориса Ельцина. Парфенов рассказывает о президентском турнире, выигранный в котором сулит победителю игру с президентом. В большой теннис начинает играть буквально вся политическая и экономическая элита, у населения страны появляется стремление следить за основными международными турнирами. Парфенов снимает сюжет на теннисном корте и говорит об образе новой российской элиты:

«Человеку, достигшему определенного уровня, просто неприлично не уметь играть в теннис. Всякая российская звезда середины 90-х должна непременно быть в форме и два раза в неделю быть на корте».

Второй спорт — это футбол. В сюжете «Футбольные радости и огорчения» (1999 год, 3 минуты) речь идет о футбольных соревнованиях за участие в Чемпионате мира. У российской команды появляется новый тренер, который выводит ее практически в финал, на матч с победителями предыдущего соревнования — французами. Парфенов снимает этот сюжет в Париже, около нового стадиона, где состоялся матч. Упоминались также и о другие виды спорта, к примеру, баскетбол (3 минуты, без выездных съемок).

Культурные события, даже если и получают относительно значительный хронометраж в передаче, не устаиваются выездных съемок. Юбилею Александра Пушкина посвящены 3 минуты; 2,5 минуты отведены на новые кинотеатры и новое кино (в первую очередь фильмам («Особенности национальной охоты» и «Кавказский пленник»). О культовой передаче «Куклы» Парфенов рассказывает 2,5 минуты.

Заключение

В рамках анализа представлений россиян о периоде «девяностых» в истории России¹, сделанного аналитическим агентством «Левада-Центр»², были выявлены позитивные/положительные и негативные/отрицательные ассоциации — события, люди, явления, которые называли респонденты разных возрастов. Данные показали, что значительная часть опрошенных (42%) не смогли назвать ничего положительного, связанного с этим периодом. Среди молодых людей, то есть возрастной группы, не обладающей индивидуальной памятью о событиях 1990-х годов, многие говорили о свободе, возможностях и об утерянных советских благах — образовании, путевках

¹ Восприятие девяностых // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (дата обращения: 05.05.2022).

² АНО «Левада-Центр» внесен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

и бесплатном получении жилья. Среди представителей более старших возрастов положительные воспоминания об этом периоде обращены преимущественно к личному опыту, поэтому чаще всего звучали ассоциации с временем беззаботности, молодостью, красотой и т. д. На вопрос об отрицательных событиях и процессах «девяностых» большинство респондентов называли бандитизм, криминал, беззаконие, дефицит, пустые полки в магазинах и т. п. В ответах опрошенных встречались также формулировки «разруха» и «развал страны».

Передача «Намедни», напротив, представляет более позитивный и оптимистичный взгляд на этот период, чем можно было бы ожидать, особенно с учетом того, что временная дистанция между событиями 1990-х годов и соответствующими выпусками передач невелика.

В выделенных нами (наиболее продолжительных и внестудийных сюжетах) преобладает политическая тематика. «Девяностые» представлены как «эпоха перемен». События развиваются стремительно, население не всегда хорошо понимает, что происходит, а в политической сфере проявляются национальные особенности. Однако в первую очередь это все же переход от старого устройства к чему-то новому и потенциально положительному. В похожем ключе построены и сюжеты об экономике.

Нельзя сказать, что негативные сюжеты в категории «Экономика» отсутствуют. Напротив, выделяются сюжеты об экономических преступлениях, связанные с американским банком и процессом работы МВФ, а также в отдельную подкатегорию попал августовский кризис 1998 года, повлекший за собой множество негативных последствий и панику среди населения. В то же время Парфенов рассказывает и про дефицит товаров, поставки гуманитарной помощи из Германии, демонстрирует кадры с различных подпольных производств. Но подобные события не подчеркивались в той мере, в какой могли бы, если бы создатели программы отталкивались от ключевых теперешних стереотипов политики памяти о том периоде.

Напротив, преобладали сюжеты про импортные товары и рост благосостояния граждан. Под вторым понимается процесс крупного строительства и реставрации Москвы, появление нового типа жилья для обеспеченной прослойки населения, а также различные праздничные гуляния. Сюжеты, которые теперь всплывают в памяти людей при упоминании выражения «лихие 90-е», в передаче «Намедни» менее выражены. Исходя из результатов контент-анализа содержания программы, ключевыми остаются в большей степени позитивные аспекты общественной жизни того времени: заграничные новшества, расцвет столицы и фактическая перестройка быта.

Впрочем, стоит отметить, что позитивная репрезентация может быть связана с тем, что авторы как будто создавали программу преимущественно для столичного зрителя. В выпусках много сюжетов о растущем благосостоянии жителей Москвы, о специфике столичного шопинга и других благах капитализма, появившихся в московской действительности. Про регионы заходит речь в двух случаях: природная или техногенная катастрофа или же выборы региональных глав. Другими словами, этот подход можно описать

как подчеркивание идеи «классового» разделения в 1990-х: жизнь богатых (особенно в богатой Москве) развивалась, жизнь бедных (других регионов) тоже менялась, но медленнее. Импортные товары стали доступны, но не сразу, дачи покупали, но позволить это себе могли не все, мобильные телефоны появились сначала как элемент роскоши — и так фактически во всех сюжетах социальной, культурной или экономической тематики.

Литература

Абрамов Р. Н., Чистякова А. А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. Т. 6. № 1. С. 52–58. EDN: OUPJGF

Бонч-Осмоловская А. А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги/Steps. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 115–146. DOI: <http://dx.doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146> EDN: VKPODO

Грузин Ф. А. Инновационная направленность материалов авторских YouTube-каналов // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал / Отв. ред. В. В. Касьянов. К.: Кубанский государственный университет, 2021. С. 258–262. EDN: XEHVAO

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб.: Издательство Нестор-История, 2018. С. 27–54. EDN: YNCLNJ

Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. EDN: UIAXZD

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03> EDN: YPENLN

Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 91–105. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105> EDN: NOQUJL

Малинова О. Ю. Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14. № 2. С. 53–63. EDN: BDSKGL

Малинова О. Ю. Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 3. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.3.019> EDN: EOLMYD

Миронова Н. Б., Горбачев А. М. Творческая концепция документальных циклов Д. Парфенова об истории СССР 1946–1960 гг. // Академическая публицистика. 2021. № 5. С. 648–651. EDN: FQWVZC

Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75. EDN: ESCRKL

Пронин А. А. Mass-док: презумпция нарративности. СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2017.

Рысина А. А. Языковая личность Леонида Парфенова (на материале телепередачи «Намедни» и книги «Намедни. Наша эра. 2001–2005») // Вестник Московского государственного университета печати. 2016. № 2. С. 182–185. EDN: XVTEAH

Степанян А. В. Особенности авторского и телевизионного документального кино // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). С. 44–46. EDN: YODNDU

Хоменко И. Г. Телевизионное информационное поле рязанского региона // Медиаскоп. 2009. № 2.

Цвик В. Л., Назарова Я. В. Телевизионные новости России. М.: Аспект Пресс, 2002.

Широбоков А. Н., Барышников К. Б. Документальное кино на малом экране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 361–367. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-361-367> EDN: ZEWEPJ

Якимов А. Е. Особенности разграничения кинематографа на документальный и игровой в контексте проблемы репрезентации повседневности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.4> EDN: VJNIWS

Ashuri T. The Nation Remembers: National Identity and Shared Memory in Television Documentaries // Nations and Nationalism. 2005. Vol. 11. № 3. P. 423–442. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1354-5078.2005.00212.x>

Brouwer S. From Empire to Smuta and Back. The Mythopoetics of Cyclical History in Russian Film and TV-Documentaries // Contested Interpretations of the Past in Polish, Russian, and Ukrainian Film. Boston: Brill, 2016. С. 123–141. DOI: http://dx.doi.org/10.1163/9789004311749_009

Fridman O. et al. From “Putin the Saviour” to “Irreplaceable Putin”: The Role of the 1990s in the Kremlin’s Strategic Communications // Defence Strategic Communications. 2021. Vol. 10. № 10. P. 153–195.

Gorbachev O. The Namedni Project and the Evolution of Nostalgia in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. № 3–4. P. 180–194. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00085006.2015.1083358>

Hilmar T. et al. “Economic Memories” of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic // East European Politics and Societies. 2021. Vol. 35. № 1. P. 89–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325420902248>

Holdsworth A. “Television Resurrections”: Television and Memory // Cinema Journal. 2008. Vol. 47. № 3. P. 137–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/cj.0.0017>

Hoskins A. Television and the Collapse of Memory // Time & Society. 2004. Vol. 13. № 1. P. 109–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0961463X04040749>

Laczó F., Wawrzyniak J. Memories of 1989 in Europe between Hope, Dismay, and Neglect // East European Politics and Societies. 2017. Vol. 31. № 3. С. 431–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325417698741>

Sharafutdinova G. The Red Mirror: Putin’s Leadership and Russia’s Insecure Identity. Oxford: Oxford University Press, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197502938.001.0001>

Сведения об авторах:

Волкова Елизавета Дмитриевна — бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: lizka001@gmail.com.

Хлевнюк Дарья Олеговна — PhD, научный сотрудник, Институт Амстердама, Амстердам, Нидерланды. E-mail: daria.khlevnyuk@gmail.com. РИНЦ Author ID: 1073265; ORCID ID: 0000-0003-1019-2192; ResearcherID: AAO-4644-2020.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2022
Принята к публикации: 15.03.2023

“The Moscow Miracle”: a Representation of the “Nineties” in the TV Program “Namedni”¹

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.1

Elizaveta D. Volkova HSE University, Moscow, Russia
E-mail: lizka001@gmail.com

Darya O. Khlevnyuk, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands
E-mail: daria.khlevnyuk@gmail.com

The article is devoted to the study of the memory of the 1990s in Russia. The main purpose is to determine the significance of television documentary films, namely the television project “Namedni”, in the process of shaping the memory of Russians about the initial stage of post-Soviet Russia. The episodes of the program “Namedni”, devoted to the period from 1990 to 1999, have been analyzed. The qualitative content analysis of the series was conducted on the basis of the thematic categories: politics, social sphere, economy, culture (sports) and the subject criteria: story title, content, timing, personalities and key details, as well as the organization of the story. The predominantly negative perception of the period of the “nineties” in Russia is not confirmed in the episodes of the program “Namedni”. Political and economic themes predominate in most of the episodes, and the 1990s are presented as an optimistic “era of change”, symbolizing a fleeting transition from the old to a potentially positive and bright new. The ambiguity of the positive image of the 1990s is determined by the low attention of the authors of the program to the events of the regional scale, most of the subjects refer to either global or the capital city events of the past.

Keywords: politics of memory; documentary film; Russians; “Namedni”; Parfyonov; plot

References

Abramov R.N., Chistyakova A. A. (2012) Nostal'gicheskie reprezentacii pozdnego sovetskogo perioda v mediaproektah L. Parfenova: po volnam kollektivnoj pamyati [Nostalgic Images of the Soviet's Recent Past: the Media Activism of Leonid Perfenov]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultura* [International Journal of Cultural Research]. Vol. 6. No. 1. P. 52–58. (In Russ.)

Ashuri T. (2005) The Nation Remembers: National Identity and Shared Memory in Television Documentaries. *Nations and Nationalism*. Vol. 11. No. 3. P. 423–442. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1354-5078.2005.00212.x>

Bonch-Osmolovskaya A.A. (2018) Imena vremeni: epitety desyatiletij v Nacional'nom korpuse russkogoazyka kak proekciya kul'turnoj pamyati [Names of Time: Epithets of Decades in the Russian National Corpus as a Perfection of Cultural Memory]. *Steps*. Vol. 4. No. 3–4. P. 115–146. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-115-146>

Brouwer S. (2016) From Empire to Smuta and Back. The Mythopoetics of Cyclical History in Russian Film and TV-Documentaries. *Contested Interpretations of the Past in Polish, Russian, and Ukrainian Film*. Boston: Brill. P. 123–141. DOI: http://dx.doi.org/10.1163/9789004311749_009

¹ The study was conducted with the financial support of the Faculty of Social Sciences of the HSE University.

The article is based on the materials of the graduate work «Documentary Films as Instruments of Constructing the Conceptual Framework of Memory about Perestroika and the Early Period of Post-Soviet Transformation in Russia: The Case of the Project “Namedni”» (HSE University, 2022) URL: <https://www.hse.ru/ba/political/students/diplomas/620109668> (accessed 15 February 2023).

Fridman O. et al. (2021) From “Putin the Saviour” to “Irreplaceable Putin”: The Role of the 1990s in the Kremlin’s Strategic Communications. *Defence Strategic Communications*. Vol. 10. No. 10. P. 153–195.

Gorbachev O. (2015) The Namedni Project and the Evolution of Nostalgia in post-Soviet Russia. *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 57. No. 3–4. P. 180–194. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00085006.2015.1083358>

Gruzin F. A. (2021) Innovacionnaya napravlennost’ materialov avtorskih youtube-kanalov [Innovative Direction of YouTube Author’s Materials]. In: Kasyanov V. V. (ed.) *Zhurnalistika, multimedia: informacionnyj i sociokulturnyj potencial* [Journalism, Multimedia: Informational and Socio-cultural Potential]. Krasnodar: Kuban State University. P. 258–262. (In Russ.)

Hilmar T. et al. (2021) “Economic Memories” of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic. *East European Politics and Societies*. Vol. 35. No. 1. P. 89–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325420902248>

Holdsworth A. (2008) “Television Resurrections”: Television and Memory. *Cinema Journal*. Vol. 47. No. 3. P. 137–144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/cj.0.0017>

Hoskins A. (2004) Television and the Collapse of Memory. *Time & Society*. Vol. 13. No. 1. P. 109–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0961463X04040749>

Khomenko I. G. (2009) Televizionnoe informacionnoe pole ryazanskogo regiona [Television Information Area of Ryazan Region]. *Mediaskop*. No. 2. (In Russ.)

Laczó F., Wawrzyniak J. (2017) Memories of 1989 in Europe between Hope, Dis- may, and Neglect. *East European Politics and Societies*. Vol. 31. No. 3. P. 431–438. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0888325417698741>

Malinova O. Yu. (2015) Aktual’noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti [Current Past: Symbolic Politics of the Power Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. *Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN)* [Political Encyclopedia (ROSSPEN)]. (In Russ.)

Malinova O. Yu. (2018) Obosnovanie politiki 2000-h godov v diskurse VV Putina i formirovanie mifa o “lihich devyanostyh” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “The Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse]. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 3. P. 45–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.3124-9/poln/2018.03.03>

Malinova O. Yu. (2018) *Politika pamyati kak oblast’ simvolicheskoy politiki*. [Politics of Memory as a Branch of Symbolic Politics]. M.; SPb: Izdatelstvo Nestor-History. P. 27–54. (In Russ.)

Malinova O. Yu. (2019) Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamyati o reformah 1990-h gg. v liberal’nom diskurse 2000-h gg [Framing Memory about the Reformers of the 1990s in the Liberal Discourse in the 2000s]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social’ny’x nauk* [South Russian Journal of Social Sciences]. No. 3. P. 91–105. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-91-105>

Malinova O. Yu. (2020) Tema “lihich devyanostyh” v diskursah rossijskih kommunistov i na- cional-patriotov [The Issue of “The Turbulent 1990s” in Discourses of Russian Communists and National-Patriots]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. Vol. 14. No. 2. P. 53–63. (In Russ.)

Malinova O. Yu. (2021) Avgustovskij putch 1991 g. i raspad SSSR v politicheskoy pamyati sovremennoj Rossii: evolyuciya sopernichayushchih narrativov [The August 1991 Coup D’etat and the Collapse of the Soviet Union in the Political Memory of Contemporary Russia: the Evolution of Competing Narratives]. *Tempus et Memoria*. Vol. 2. No. 3. P. 19–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.3.019>

Mironova N. B., Gorbachev A. M. (2021) Tvorcheskaya koncepciya dokumental’nyh ciklov D. Parfenova ob istorii SSSR 1946–1960 gg [Creative Conception of D. Parfenov’s Documentary Cycles about the History of the USSR]. *Akademicheskaya publicistika* [Academic Journalism]. No. 5. P. 648–651. (In Russ.)

Potseluev S. P. (1999) Simvolicheskaya politika: konstellyaciya ponyatij dlya podhoda k probleme [Symbolical Politics: A Constellation of Concepts for an Approach to the Problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. Vol. 5. P. 62–75. (In Russ.)

Pronin A. A. (2017) *Mass-dok: prezumpciya narrativnosti* [Mass-doc: Presumption of Narrativity]. Spb.: Petropolis Publishing House Limited Liability Company. (In Russ.)

Rysina A. A. (2016) Yazykovaya lichnost' Leonida Parfenova (na materiale teleperedachi "Namedni" i knigi "Namedni. Nasha era. 2001–2005") [Linguistic Personality Leonid Parfenov (Based on the TV Show "The Other Day" and the Book "The Other Day. Our Era. 2001–2005")]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pečati* [Herald of the Moscow State University of Printings Art]. No. 2. P. 182–185. (In Russ.)

Sharafutdinova G. (2020) *The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197502938.001.0001>

Shirobokov A. N., Baryshnikov K. B. (2017) Dokumental'noe kino na malom ekrane [Documentary Television Film]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]. Vol. 22. No. 2. P. 361–367. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-2-361-367>

Stepanyan A. V. (2018) Osobennosti avtorskogo i televizionnogo dokumental'nogo kino [Specificity of Author's and TV Documentary Films]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. No. 2 (80). P. 44–46. (In Russ.)

Tsvik V. L., Nazarova Y. V. (2002) *Televizionnye novosti Rossii* [Television News of Russia]. M.: Aspect Press. Vol. 171. (In Russ.)

Yakimov A. E. (2021) Osobennosti razgranicheniya kinematografa na dokumental'nyj i igrovoj v kontekste problemy reprezentacii povsednevnosti [Specifics of the Distinction Between Documentary and Fiction Cinematography in the Context of the Representational Issue of Daily Life]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 9. P. 26–32. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.9.4>

Authors bio:

Elizaveta D. Volkova — Bachelor, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** lizka001@gmail.com.

Darya D. Khelvnyuk — PhD, Researcher, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands. **E-mail:** daria.khlevznyuk@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1073265; **ORCID ID:** 0000-0003-1019-2192; **ResearcherID:** AAO-4644-2020.

Received: 11.11.2022

Accepted: 15.03.2023